

Петр МУРАТОВ

ДВА ПЕТРА

(75-летию великой Победы посвящается)

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

А. Твардовский

Петр — мое имя. Имя твердое, звучное; назван я так в честь своих дедов. Они не брали Берлин и не участвовали в параде Победы, сложив свои головы в самые трудные, самые драматичные 1941 и 1942 годы... Два Петра, два крепких русских мужика, оба от земли, оба родились в многодетных крестьянских семьях. В их судьбах, как в зеркале, отразилась противоречивая, трагическая и великая история России первой половины XX века. Петр Михайлович, 1901 года рождения, отец мамы, — из деревни Жильково Козельского уезда Калужской губернии (ныне Калужской области). Петр Васильевич, 1913 года рождения, отец папы, — из деревни Куршино Малмыжского уезда Вятской губернии (ныне Кировской области).

Они не знали, да и не могли знать друг друга. Но судьба распорядилась так, что во мне соединилась их кровь и возродилось имя через 20 лет после гибели дедушек на той великой войне. И я считаю священным долгом к юбилею Победы рассказать о них. Тем более мне улыбнулась «ее благородие госпожа Удача»: удалось поклониться их могилам. Обе могилы братские, на обеих выбиты имена моих Петров. Уж не ведаю, что еще может связывать два города — словенский Марибор и подмосковный Волоколамск, — но для меня теперь святы и эти два названия, места их упокоения.

Много лет мои родители пытались узнать, где погребены их отцы. И если папа, Юрий Петрович Муратов, знал, в каком городе находится могила отца, то мама, Людмила Петровна, более 70 лет знала только то, что ее отец пропал без вести. Папа не раз бывал в Волоколамске, ходил от одной братской могилы к другой — их в округе множество, но безуспешно. Найти отца помог ему местный военкомат, сообщив точное место захоронения Петра Васильевича.

Петра Михайловича много лет разыскивал мой дядя — мамин старший брат, Борис Петрович Калинин. Будучи полковником ГРУ, он имел возможности и для изучения архивов, и для оформления точных запросов, но никаких следов отца найти не удалось. Справка из Центрального архива Министерства обороны СССР гласила: «Пропал без вести 20 августа 1941 года в районе деревни Петрухново Ленинградской области».

Петр Юрьевич Муратов родился в 1962 году в Казани, выпускник биофака Казанского университета. Кандидат биологических наук. Публиковался в литературных журналах «Нева», «Аргатак. Татарстан» и «Сибирские огни» (Новосибирск). Живет в наукограде Кольцово Новосибирской области.

На том и успокоились. И только в новые времена благодаря всезнающему Интернету и обществу «Мемориал» мне удалось узнать подробности последних месяцев жизни Петра Михайловича.

Петр Михайлович

Козельск. Не зря ордынцы назвали этот город «злым». Ни один город не достался им такой кровью, потому и стерли они его с лица земли, засыпав, по преданию, солью место, где стоял «злой город». Козельск не был ни центром княжества, ни крупным городом, а столько времени продержался, такую цену за свое падение заставил заплатить!

Боевой дух древних пращуров передался Петру Калиничеву. Всю жизнь он был профессиональным военным. Дяде Боре в бездонных архивах Министерства обороны все же удалось раскопать довоенное личное дело Петра Михайловича и автобиографию, написанную им в 1939 году.

В семье Калиничевых было семеро детей. Уже в 13-летнем возрасте Пете пришлось покинуть родную деревню и начать трудиться чернорабочим на хлебопекарне в Калуге. Сохранилась фотография того периода: на ней Петр с другом, а на обратной стороне разъяснение к фото — видно, что в 14 лет дед едва умел писать. В мае 1917 года Петр перебрался в Киев, устроившись подмастерьем на хлебозавод. Вскоре наступило лихолетье Гражданской войны. Насмотревшись на германских и австро-венгерских оккупантов, на марионеток гетмана Скоропадского и гайдамаков Петлюры, Петр Калиничев в феврале 1919 года добровольно вступил в Красную армию. Вначале служил рядовым красноармейцем в 1-й Украинской стрелковой дивизии, затем, в июне того же года, в Особой маневренной кавалерийской бригаде, воюя на Юго-Западном фронте против Петлюры и Деникина. В 1920 году, окончив Борисоглебские кавалерийские курсы красных командиров, в составе 17-й кавдивизии, уже в должности командира эскадрона, воевал на Западном фронте против Польши, а с января 1921-го по ноябрь 1922 года — против банд Махно, Тютюника и Гальчевского.

Так и стал Петр Михайлович кадровым офицером Красной армии. Недолго состоял в рядах ВКП(б), но в 1922 году был исключен за дословно «барахольство» своих подчиненных. Впрочем это не повлияло на его военную карьеру. В 1926 году, окончив Крымскую кавалерийскую школу имени ЦИК Крымской АССР, получил назначение на службу в Белорусский военный округ.

Боевой офицер РККА Калиничев принимал участие во всех военных кампаниях предвоенного периода: воевал на КВЖД, в Испании, на реке Халхин-Гол. Особенно запомнилось моей маме, каким обмороженным отец вернулся с финской войны, а из-за ранения руки даже не смог открыть замок двери дома. Интересно, что периоды времени, пришедшиеся на эти войны, в личном деле значатся как «декретные отпуска» безо всяких подробностей.

У нас сохранились швейцарские карманные часы на цепочке, на обратной стороне которых красиво выгравировано: «Майору тов. Калиничеву П. М. За боевую подготовку. Нарком обороны СССР. 1/XI-1936 г.». Ныне это наша главная семейная реликвия. А в 1938 году он получил звание полковника с назначением на должность командира полка 7-й кавалерийской дивизии Белорусского особого военного округа.

С конца 30-х годов началось переобучение большинства офицеров-кавалеристов специальностям других родов войск в связи с потерей кавалерией стратегического военного значения. Петр Михайлович стал командиром мотоциклетного полка 3-го механизированного корпуса БОВО. Последнее предвоенное назначение полковник Калиничев получил в 1940 году под Вильнюс — столицу свежеспеченной Литовской ССР, куда был передислоцирован вместе со своим полком. Туда же вскоре переехала из Минска вся его семья. В октябре того же года Петр Михайлович стал слушателем оператив-

ного факультета Военной академии командного и штурманского состава ВВС Красной армии в Москве.

Его первая супруга, Софья Драбкина, умерла в 1929 году при родах сына Бориса. Петр Михайлович женился повторно на санинструкторе полка Софье Суслович — матери моей мамы. Но не повезло и со вторым браком: моя бабушка разбилась при падении с лошади и умерла в 1938 году, когда моей будущей маме было всего семь лет. В третий брак Петр Михайлович вступил незадолго до войны, у его новой супруги тоже имелся свой сын.

Уезжая на учебу в летную академию, он забрал с собой сына Бориса, передав его на воспитание родне первой супруги в Ленинград. С того времени ни об отце, ни о Борисе моя мама многие годы ничего не знала. Предчувствие надвигавшейся войны, по воспоминаниям мамы, ощущалось физически. Особенно это было заметно по поведению литовцев — в скором будущем верных приспешников немцев. Мама рассказывала, как однажды ночью выстрелили в дверь квартиры, где они жили (их семья была расквартирована в самом Вильнюсе, а не в военном городке при полке). Там же, в Вильнюсе, 22 июня 1941 года она встретила войну.

Немцы атаковали сотнями самолетов все воинские части и сбросили на город хорошо вооруженный десант, некоторые десантники прекрасно говорили по-русски. Маме с мачехой и сводным братом чудом удалось выскользнуть из спешно оставляемого Красной армией Вильнюса, но почти все жены и члены семей военнослужащих Вильнюсского гарнизона, многих из которых мама хорошо знала, так и остались под немцами, их судьба трагична...

Представляю смятение оглушенной известием о начале войны враз ощетинившейся Москвы... Слушатель летной академии РККА полковник Калининчев был срочно направлен в Ленинградский военный округ по своей прежней специальности: в Новом Петергофе начиналось формирование 25-й отдельной кавалерийской дивизии. Такие спешно формируемые дивизии называли «легкими». Начальником ее штаба и был назначен полковник Калининчев. Круговерть срочных дел по формированию дивизии хоть немного отвлекла его от мрачных тревожных дум о судьбе семьи.

25 июля в состав действующей 34-й армии Северо-Западного фронта вошла новая дивизия, состоявшая из трех кавалерийских полков, 900 сабель в каждом, и вспомогательных эскадронов. На вооружении имелись десятки станковых и ручных пулеметов, 21 орудие. Рядовой и сержантский состав набирался из добровольцев, командный — в основном из военных академий: командир дивизии комбриг Гусев Н. И. перед самой войной служил комиссаром Академии Генерального штаба, а начальник отдела связи штаба майор Ягджян С.А. — преподавателем Академии связи.

Первой задачей 25-й дивизии стало прикрытие района сосредоточения передовых частей 34-й армии. 12 августа под Старой Руссой дивизия приняла участие в контр-ударе, направленном против стремительно прорывавшейся к Ленинграду немецкой группы армий «Север». Боевая задача: действия по тылам противника отдельными эскадронами в районе поселка Дедовичи. В этом рейде кавалеристам противостояли 32-я пехотная дивизия вермахта и дивизия СС «Мертвая голова». Продвинувшись через болота, они смогли выйти им в тыл и успешно атаковать, правда, в этих боях получил ранение комдив Гусев.

18 августа от командарма был получен новый приказ: повернуть на северо-восток, соединиться с двумя стрелковыми дивизиями и приготовиться к наступлению. Задача была очень сложная: за два дня марша кавалеристам предстояло пройти более ста километров, часть пути проходила по открытой местности с преодолением многочисленных водных преград.

Уже в первое утро марша, 19 августа, дивизию обнаружила и атаковала вражеская авиация. Из-за отсутствия зенитных средств в течение суток кавалеристы потеряли боль-

ше половины личного состава и всю артиллерию. Остаткам кавдивизии удалось сосредоточиться юго-западнее Старой Руссы, в строю осталось всего около 800 бойцов. Но уже вечером того же дня их бросили в бой: в районе деревни Смолево была обнаружена и уничтожена колонна немецких мотоциклистов.

Немцы перешли в контрнаступление, 25-й дивизии поставили новую задачу: задерживать врага, прикрыв отход главных сил 34-й армии за реку Ловать. Но 20 августа под деревней Петрухново под удар немцев попал штаб дивизии...

Я изучал именной список потерь командно-начальствующего состава 25-й кавалерийской дивизии за период с 14 августа по 1 октября 1941 года (8-й отдел Главупра кадров Наркомата обороны № 0513 от 14 декабря 1941 года). В нем под номером один значится начальник штаба полковник Калинин Петр Михайлович, в графе «когда и по какой причине» записано: «Без вести пропал 20.8.41. в р-не дер. Петрухново Лен. области». Такая же запись у многих штабистов из этого списка, среди них начальник оперативного отдела майор Иванов, начальник отдела связи майор Ягджян, помощник начальника отдела связи капитан Евштокин, комиссар штаба Пономаренко.

Да, сказать, что первые месяцы войны стали временами трагических, полных горечи потерь поражений, — значит не сказать ничего. Боевые задачи 25-й кавдивизии менялись, но главным было: найти и уничтожить. Огнем, шашкой, руками, зубами — как угодно, любой урон, нанесенный врагу, был бесценен. А там уж как придется, как поется, «что кому назначено, чей теперь черед...» Пишу, и реально слышится грохот разрывов снарядов и бомб, канонада кавалерии, крики и мат красноармейцев, стоны раненых, хрип умирающих лошадок...

Последующая участь 25-й кавалерийской дивизии первого формирования трагична. В конце августа после короткого переформирования она вновь была направлена в рейд по тылам немцев южнее Демянска. После нескольких успешных операций, в частности разгрома немецкого штаба (отомстили за свой штаб!), 8 сентября дивизия попала под удар вражеских танков и была рассеяна, фактически перестав существовать как боеспособное соединение. Разрозненные группы кавалеристов дивизии вместе с остатками 34-й армии самостоятельно с боями прорывались из окружения севернее и южнее Демянска. Во второй половине сентября 25-я кавдивизия была сформирована практически заново, вновь под командованием толком не залечившего свое ранение комдива Гусева.

Но несмотря на то, что контрудар Красной армии под Старой Руссой завершился неудачей, он все же отвлек часть сил немецкой группы армий «Север» от наступления на Ленинград. А значит, достиг главной цели: дал время на подготовку «города Ленина» к обороне, сломить которую, как известно, гитлеровцам так и не удалось.

Подробности пленения Петра Михайловича, видимо, так и останутся тайной. Из личного состава штаба 25-й кавалерийской дивизии первого формирования после войны в живых остались только трое офицеров, один из них — упоминавшийся в именном списке потерь майор Ягджян С. А. Будучи тяжелораненым, он попал в руки врага. Выжить в плену Степану Акоповичу помогла его национальность: в лагере военнопленных в польских Пулавах фашистское командование стало формировать из армян так называемые «фельдбатальоны». Условия содержания узников в них были намного мягче, чем в других лагерях. В конце 1943 года всех пленных из Пулав переправили во Францию, в город Манд. Там владевшему французским языком майору Ягджяну удалось связаться с участником движения Сопротивления, работавшим в лагере плотником, и впоследствии вместе с другими узниками бежать из лагеря. Окончание войны Степан Акопович встретил с оружием в руках в составе 1-го советского партизанского полка французского Сопротивления.

Информацию о майоре Ягджяне я узнал из статьи «Путь мужества» майского номера журнала «Огонек» 1957 года. В ней рассказывалось о подпольной борьбе узников-

армян в условиях немецких лагерей и их участия в боевых действиях против общего врага в рядах движения Сопротивления. Борис Петрович, узнав через редакцию «Огонька» адрес Ягджяна, в конце 1957 года с ним встретился.

Дядя Боря подробно описал встречу с ним, отметив, насколько немногословным был Степан Акопович, насколько тяжело давались ему воспоминания. Ягджян не скрывал, что большинство бывших окруженцев, а тем более военнопленных, на контакт идут крайне неохотно, и обижаться за это на них не стоит. Причина тому — проводившиеся по возвращении дознания особистов. Впрочем, узнав, что Борис Петрович в то время являлся слушателем Академии связи, где когда-то преподавал сам Ягджян, он хоть немного разговорился. В частности, поведал, что тогда, после неудачного наступления под Старой Руссой, из штабистов вырвались из окружения комиссар Пономаренко и тяжелораненый замначальника связи Евштокин. Они прошли всю войну. Но на момент встречи дяди Бори со Степаном Акоповичем контакты с Пономаренко затерялись, а капитан Евштокин скончался от ран вскоре после войны.

Однако никакой информацией о судьбе своего командира, начальника штаба 25-й отдельной кавалерийской дивизии полковника Калиничева в тот злосчастный день 20 августа 1941 года Степан Акопович, к сожалению, не располагал. Я лишь могу выразить уверенность, что в плен мой дед попал, не имея возможности сопротивляться, что косвенно подтверждает факт его быстрой смерти в немецком концлагере.

* * *

В сентябре 1941 года на железнодорожный вокзал югославского города Марибор прибыл эшелон, доставивший около 3300 советских военнопленных. Немецкие солдаты выгоняли их на перрон с криками «Bestien heraus!» («Сволочи, вон!»). Среди доставленных был и Петр Михайлович.

Состояние пленных было ужасным. Товарные вагоны были набиты ими до отказа, двери наглухо закрыты. Малую и большую нужду приходилось справлять на месте, многие умирали в пути, но их тела так и оставались в вагонах до самого Марибора. Немцы морили пленных голодом и жаждой еще и с целью показать, в каких якобы условиях проживает население СССР. С перрона узников доставили в концлагерь у горы Мельски-Хриб, именовавшийся шталагом XVIII-D (306).

«Шталаг» (Stalag) — немецкий термин времен Второй мировой войны, означающий базовый лагерь для команд военнопленных. Шталаг XVIII-D (306) гитлеровцы открыли в Мариборе сразу после капитуляции Югославии. В документах немецкого верховного командования впервые он упоминается 1 июня 1941 года, когда там были размещены 3838 югославских и 208 британских военнопленных. Позднее югославы были перемещены из лагеря из-за опасений немцев в их связях с партизанами. Югославских военнопленных заменили французские. Количество и состав военнопленных постоянно менялись. С июня 1941 года до поздней осени 1942 года больше всего там было французов (почти 7000 человек), британцев тогда насчитывалось около 3500. Большинство военнопленных привлекалось к выполнению различных работ. Счастливыми считались те, кого направляли на работу в крестьянские хозяйства. В лагере оставались только истощенные и больные. Впрочем, британские и французские пленные имели возможность получать посылки и от Красного Креста, и от своих родственников, поэтому их пребывание в лагере можно считать более-менее сносным. Функционировал этот шталаг до конца войны.

Северная словенская часть Югославии позднее была включена в состав Третьего рейха (имперский округ XVIII), а Марибор немцы переименовали в «Марбург-ан-дер-Драу». Буква «D» в названии шталага свидетельствует о том, что в округе было еще три шталага — «A», «B» и «C».

Советские военнопленные содержались отдельно — в здании старых таможенных складов. Условия, в которых им предстояло жи... нет, существовать, ничем не отличались от условий в самых ужасных нацистских концлагерях. Из-за скудного рациона их физическое состояние стремительно ухудшалось. Понятно, что ни о каких посылках не могло идти и речи. Голод усугубляли тиф, чесотка и дизентерия. При этом на огромную массу узников было всего три врача. Спать приходилось прямо на бетонном полу. Охранники лагеря, за редким исключением, жестоко избивали узников. Высокую смертность среди наших пленных нацисты по-прежнему объясняли тем, что многие из них якобы подорвали здоровье еще в Советском Союзе. Представители Красного Креста, посетившие лагерь в октябре 1941 года, оценили условия их содержания как абсолютно неприемлемые.

Жители Марибора, ежедневно становившиеся свидетелями страданий узников, пытались оказывать помощь. Хозяйка магазина в Мелье через троих югославских военнопленных тайно передавала хлеб, а другая жительница Марибора собирала деньги на хлеб и табак, которые пленным проносили жалевшие их охранники из Вены.

Командование шталага приказало хоронить умерших советских узников в больших братских могилах поблизости от лагеря. Позднее их стали хоронить на городском кладбище «Побрежье», ранее умерших перезахоронили там же. Бывший директор кладбища вспоминал, как однажды осенью 1941 года к нему пришел один немец с вопросом, «где можно закопать своих собак». Директор указал место захоронения домашних животных — в поле за забором, не сразу поняв, что речь шла о советских военнопленных. Жители Марибора еще много лет с содроганием вспоминали жуткую картину: каждый день через полгорода, по мосту через реку Драву на кладбище шла большая телега, груженная окоченевшими трупами советских военнопленных, которую, надрываясь, тащили их бледные, худые, еле живые товарищи. А однажды зимой 1941 года администрация шталага устроила себе забаву: «забег» узников по улицам Марибора, после которого скончалось сразу около 30 человек.

Всего осенью—зимой 1941—1942 годов из 3300 прибывших в сентябре в шталаг умерло около 2800 советских военнопленных. Пятьсот переживших эту страшную зиму узников весной 1942 года переправили на заводы Штирии.

Не пережил ту зиму и мой дедушка... Немцы неплохо вели документацию, поэтому известна не только точная дата его смерти — 20 ноября, но и номер ямы, где его захоронили, — 29. В тот же день скончались и были погребены в той же яме еще пятеро узников-красноармейцев: Можаяв Николай, Смирнов Павел, Абрамов Алексей, Маслюков Алексей и Терещенко Николай.

Почему я считаю, что это именно мой дед, а не его полный тезка? При содействии администрации Президента России в Центральном военном архиве Минобороны были рассекречены архивные материалы концлагеря в Мариборе. Благодаря им военнопленный № 44757 шталага XVIII-D (306) был идентифицирован как полковник Калинин Петр Михайлович, внесенный в Список советских офицеров, погибших, умерших и пропавших без вести в 1941 году, захороненных в Словении, под номером 35 (МО вх. № 1162 от 08.09.1999). Анкетные данные полностью совпали...

Почему так поздно? Не знаю, но как говорится, лучше поздно, чем никогда. В любом случае горькая правда лучше неопределенности статуса «пропавшего без вести», хотя подсознательно всегда хочется успокоить себя микроскопической надеждой на то, что человек как-то выжил, все у него сложилось нормально, пусть где-то далеко, просто ты об этом не знаешь.

От чего умер мой дедушка — от боевых ранений, от голода, от тифа или от всего разом? Впрочем, какая разница? Я все пытаюсь представить себе деда — изможденно-го, заросшего, с ввалившимися глазами, в рваной одежде на ледяном бетонном полу. Догадываюсь, какую тоску и горечь чувствовал он в душе — наверняка охранники ла-

геря прожужжали пленным все уши, что уже пали и Москва, и Ленинград. О чем думал Петр Михайлович в свою последнюю ночь с 19 на 20 ноября? Какие последние слова прошептали его холодеющие губы? Не узнаем никогда. На братской могиле советских военнопленных, где покоится его прах, воздвигнут мемориальный комплекс, на одной из плит которого среди сотен других имен выбито по-словенски: *Pjotr Kaliničev*.

Петр Васильевич

«И было у отца три сына». Как в сказке. Только, в отличие от сказки, все трое умные. «Отец» — мой прадед Василий Федотович Муратов, «три сына» — его сыновья, мои деды: старший Петр, средний Андрей и младший Аркадий.

«Вятский народ хватский — семеро одного не бояться». «Семеро на стогу, один „кидат“ (*кидает*) — семеро кричат: не заваливай!» Это наши вятские шутки-присказки. С одной стороны, они выглядят смешными и даже немного самоуничижительными, с другой стороны, только сильный народ может так подшучивать над собой.

Стоит на правом высоком берегу красавицы Вятки недалеко от волостного, ныне районного центра Вятские Поляны наше родовое гнездо — старинное село Куршино. Испокон веков трудом праведным жили в нем потомственные земледельцы Муратовы. Жизнь была непроста — как-никак зона рискованного земледелия, как сейчас умно выражаются, нередко случались неурожаи, а крестьянские семьи в тех краях были многодетными. Родители трудились от зари до зари, старшие дети подтягивали младших — зачастую старших сестер те, кто помладше, всю жизнь кликали «няньками», немудреная одежда переходила от подросших детей подрастающим. Народ тогда не особо рвался в города, никто не мучился поисками «смысла жизни». Точнее, смысл жизни был прост и понятен: труд в поте лица с Божьей молитвой, забота о семье и радение о земле-кормилице. Население росло, народ расселялся по уезду, распахивал новые земли, ставил «починки» — так исстари на Вятке называли новые деревни. В начале 20-х годов XX века в Куршине насчитывалось более 200 дворов.

В 1924 году случилось большое несчастье: сильный пожар уничтожил половину Куршина. Погорели и Муратовы, пришлось перебраться за ручей — в небольшую деревушку Помяловку (впоследствии она слилась с Куршино, став улицей Помяловской). Но беда не приходит одна: в 1925 году умерла жена прадеда, моя родная прабабушка Мария Ефимовна, в девичестве Конькова. И остались сиротами 12-летний Петья, восьмилетний Андрейка (так говорят на Вятке) и четырехлетний Аркашка. Но Василий Федотович, постаравшись быстро справиться с горем, женился повторно — ну как мальчикам без мамки, пусть и неродной? Впрочем, заботилась она о пасынках, как о родных сыновьях — язык не повернется назвать ее «мачехой», пацаны ее так и звали — мамой. Мария Степановна Гребнева была из дальнего села Батырево, что под удмуртским (в те времена говорили «вотянским») райцентром Кизнер. Но, к сожалению, совместных детей у нее с Василием Федотовичем не случилось: Мария Степановна была, как тогда говорили, «неродицей». Прабабушку Марью я немного помню — она умерла в 1969 году, когда мне было семь лет, правда, общаться мне с ней не разрешали: в конце жизни она страдала открытой формой туберкулеза. Кстати, ее родной брат служил в личной охране Николая II, мой папа видел его фотокарточку, сделанную в то время в Питере, на ней — молодой красавец с аксельбантами и в парадном кивере. Папа запомнил его высоким, статным, кряжистым стариком.

Так и обживались в Помяловке с новой хозяйкой на новом месте. В 1931 году старший сын Петр женился на местной девушке Сашеньке Мараткановой. Муратовы тесно сблизились с новой родней — видным, справным родом Мараткановых. В их семье было одиннадцать детей, Саня последняя — как тогда выражались, «поскребыш».

К тому времени всюду катился по стране тяжелый каток «социалистического преобразования деревни» под названием коллективизация. Мараткановы и Муратовы, будучи крепкими единоличниками, обобществлений не желали, поэтому решили ставить свой починок на противоположной нижней лесистой стороне Вятки — недалеко от устья ее притока Люги. Старший брат моей будущей бабушки Сани Иван Алексеевич к тому времени завербовался на Дальний Восток — на строительство авиазавода в Комсомольске-на-Амуре. В то время вербовка на строительство «флагманов социалистической индустрии» была одной из немногих возможностей для сельских жителей получить паспорт.

Для починка выбрали поляну около большого соснового леса, с северной стороны к деревне примыкали обильные пойменные луга, тянувшиеся вдоль речки Люга. Место живописнейшее. Сняться с насиженных мест и начать обустриваться заново поначалу решились шесть семей: братья бабушки Александры Алексеевны — Григорий, Алексей (впоследствии крестный моего отца), Федор и Василий Мараткановы с семьями, Шушпановы — семья сестры Марии — и мы, Муратовы. Починок сперва назвали Красным Яром, но позднее возникло окончательное, ставшее официальным название — деревня Новое Куршино.

И закипела работа: валили лес, ставили избы, корчевали и распахивали на лошадях землю, в богатой покосной пойме Люги заготавливали сено. Понятно дело, по-родственному помогали друг другу — иначе никак. Мне всегда казалось, что рискованные первопроходцы, заселявшие и обживавшие новые места — далекая история, а вот, глядишь ты, это было по историческим меркам совсем недавно! Способны ли мы, сегодняшние, на нечто подобное? Сомневаюсь... Все друг друга прекрасно знали, вкалывали на совесть, подгонять никого не надо — в этом принципиальнейшее отличие от колхозов: работали на себя, на свои семьи и род.

В 1932 году у Петра и Александры Муратовых родился первенец — «Генкя», мой дядя Геннадий Петрович. Они разбили при доме сад, огород, а Василий Федотович катал отличные валенки, вся округа в них ходила. Сразу за деревней — прекрасный лес, в нем полно всякой живности, ягод и грибов, прадед засаливал ядреные мохнатые белые грузди целыми кадками. В общем, живи радуйся.

Но... докатился-таки и до этих дальних лесных выселок неумолимый каток коллективизации. Районные власти потребовали организовать колхоз, обобществить средства и орудия производства, поскольку земля и так изначально принадлежала «народу», а не каким-то там новокуршинцам, ее обрабатывающим. Иначе... Сами понимаете. Но это полбеды. В состав колхоза включили еще одну небольшую деревню — Новую Сосновку, она стояла на другом берегу Люги, недалеко от ее устья, километрах в двух от Нового Куршина, в ней насчитывалось 14 дворов. Как и Новое Куршино, Новая Сосновка тоже когда-то была почином, поставленным переселенцами из соседней с Куршином (старым) деревни Кульги. Половина жителей Новой Сосновки носила фамилию Павловы. Правда, специфику возникновения включаемых в новый колхоз деревень решили отразить в его названии — «Начало». На мой вкус, это лучше, чем набившие оскомину названия колхозов имени каких-нибудь деятелей революции или Гражданской войны или «чего-нибудь» (пути или знамени) коммунизма.

Председателем нового колхоза назначили одного из новососновских Павловых, а другого Павлова, у которого был самый большой и красивый дом, раскулачили (дом отдали под школу). Там же в Новой Сосновке жил еще один Павлов, который упорно не хотел вступать в колхоз, оставаясь убежденным единоличником, что по тем временам было крайне рискованным.

Я не хочу сказать о жителях Новой Сосновки что-то плохое. Но представляю настроение Муратовых и Мараткановых: жить на непонятные трудодни, завися от результатов работы чужих, практически незнакомых тебе людей... Это было почти невыносимо

для крестьянского самосознания. Особенно мучился Василий Федотович, всю жизнь полагавшийся только на себя, на тех, кого он хорошо знал и кому доверял. А тут...

Где-то в 1934 году приехал в отпуск из Комсомольска-на-Амуре Иван Алексеевич Маратканов. Он пустил там корни, его рассказы о Дальнем Востоке «зацепили» затаившего обиду на колхозы Василия Федотовича. Посовещавшись, Муратовы решили опять двинуть на новое место, только уже несравнимо более далекое. Мараткановы переезжать не отважились, решили подождать, посмотреть, что выйдет из этой затеи у Муратовых. К тому моменту у Петра и Александры было уже двое детей: на свет божий появилась дочка Нина.

Сказано — сделано. Шестеро Муратовых — глава семьи Василий Федотович с женой Марией Степановной, старший сын Петр с женой Александрой и детьми Геной и Ниной — собрались в дальний путь. Средний сын Василия Федотовича Андрей, окончив школу-семилетку, уже работал бухгалтером в Вятских Полянах, младший Аркадий заканчивал семилетку, его решили не сдергивать с места, оставив под присмотром Мараткановых. Опущу описание «патетики» сборов и долгого пути, догадываюсь, насколько было сложно оторваться от земли, скажу лишь главное: семьи моих прадеда и деда переехали в Комсомольск-на-Амуре году в 1935—1936-м.

Вспоминаю бабушку Александру Алексеевну, труженицу до мозга костей, всегда сдержанной и спокойной, не припомню, чтоб она спорила на какие-то политические темы. На мой вопрос, как получилось, что мой отец родился за тысячи километров от вятских мест, она, помолчав пару секунд, дала исчерпывающий ответ: «Дык от колхозов-от побежали...» Это была единственная «политически окрашенная» фраза, которую я слышал от своей почти святой бабушки. Впрочем, большего и не надо. В этой фразе — все.

В Комсомольске их, как людей малообразованных (баба Саня, помнится, с трудом читала и писала: ее образование ограничилось двумя классами церковно-приходской школы), но привычных к крестьянскому труду, определили на работу в подсобное хозяйство авиазавода, находившееся неподалеку от города, около нанайской деревни Дземги. Рядом с домом Ивана Алексеевича Муратовы поставили небольшую насыпную избу. Именно там в 1938 году на свет божий появился мой отец Юрий, «Юрик», как его звали в детстве.

К тому моменту Муратовы уже осознали свою ошибку с переездом в Комсомольск. Причин было множество. Как говорится, «не заклиматило»: чаще болели, зимы дольше и холоднее, земля намного скуднее, чем на родной Вятке. Потомственная крестьянская душа позвала на Родину. К тому же Василий Федотович уже смирился с мыслью, что от колхозов не скроешься нигде. А годом раньше случилось большое горе: заболела и умерла двухлетняя Нинушка, царство ей небесное. В довершение всего прадед, собирая шишки, упал с кедра и сломал два ребра. Приковыляв домой, он эмоционально выдал длинную словесную тираду, общий смысл которой сводился к тому, что пора покидать Дальний Восток и возвращаться домой.

В 1939 году Муратовы вернулись. За домом все это время присматривали Мараткановы. Андрея призвали на срочную службу в РККА, Аркадий собирался поступать в Ульяновское танковое училище. Колхоз «Начало» выполнял планы, на трудодни кое-что выдавали. Муратовы стали колхозниками, украдкой вздыхая по единоличной вольнице и ясно осознавая, что возврата к прежней жизни уже не будет. К тому моменту в Новом Куршине стояло уже 12 дворов, правда, электричества в деревне еще не было (оно появится только в 1946 году). Василий Федотович возобновил катание валенок — это давало хорошее подспорье к трудодням. Кормило хозяйство и лес. В 1940 году у Петра Васильевича и Александры Алексеевны родилась дочка, которую тоже называли Ниной. Сразу успокою мнительных приверженцев разных примет: в этом году моя тетя,

Нина Петровна, отметит 80-летний юбилей, дай Бог ей здоровья. Словом, все обстояло более-менее нормально, жить можно.

Но тут пришла война...

* * *

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?

«Прощай, Юрик!» — последняя фраза отца, которую запомнил мой папа. Петр Васильевич поцеловал сына, подняв его на вытянутых руках. Юрик радостно засмеялся, не понимая происходившего вокруг. Мальцу было всего три с небольшим года, но его память отчетливо сохранила проводы отца. Юрику нравилась общая суэта вокруг, визиты гостей, песни, ему было приятно, что любимого отца все обнимают. А Петр Васильевич заскочил на подводу, помахал рукой и уехал. Как оказалось, навсегда. Вместе с ним на призывной пункт райвоенкомата в Вятских Полянах отправились еще двое Мараткановых. Шел август 1941 года.

Став немного постарше, Юрик понял, КУДА они ушли, хорошо запомнив проводы следующих односельчан, — казалось, войне не будет конца. Обычно вся деревня собиралась в доме уходящего на фронт односельчанина, накрывали прощальный стол, потом запрягали лошадь, ехали на подводе с песнями под гармошку по всей деревне от дома к дому. В память Юрика врезались слова песни: «Прощайте, люди добрые, прощайте, вся моя родня!» Все выходили на улицу, обнимали призываемых на фронт. Провожали до околицы. Дальше дорога уходила в перелесок, разделявший Новое Куршино и активно строившиеся по соседству завод по выпуску фронтовых конных санитарных двуколок и новый поселок при заводе — Усть-Люга (ныне Новое Куршино и Новая Сосновка стали просто улицами этого поселка, перестав существовать как отдельные населенные пункты).

Основная забота о семье легла на плечи Василия Федотовича, детишки звали его «бате». Он фактически заменил им отца. Война и общее горе изменили людей — все самоотверженно трудились в колхозе. «Все для фронта! Все для победы!» — этому лозунгу следовал каждый. Больше ни одного плохого слова про колхоз от Василия Федотовича не слышали. Прадед и сам прекрасно понимал: его ударный труд в колхозе «Начало», который он поначалу так невзлюбил, — реальный вклад в дело победы, а значит, помощь воюющим сыновьям.

Андрей, проработав после демобилизации всего несколько месяцев, был призван вновь. Он воевал на Карельском фронте, Аркадий, только-только получивший свои лейтенантские «кубики» на петлицы, командовал танковым взводом на Южном фронте. Младший из братьев Муратовых получил тяжелое ранение: ему разворотило лицо, оторвало нос, благо уцелели глаза. Вернувшись в строй после госпиталя, зимой 1942 года Аркадий был командирован в Челябинск на танковый завод — принимать новую партию машин для своей бригады, о чем известил в письме «батю». Василий Федотович вымолил в колхозе небольшой отпуск, чтоб повидаться с сыном в Челябинске. При встрече он не узнал своего некогда красавца сына: его обнимал поседевший человек с изуродованным лицом. Впрочем, Василий Федотович почти не подал виду, подавив эмоции. Это была их последняя встреча: 19 июля 1942 года лейтенант-танкист Аркадий Васильевич Муратов пал смертью храбрых в боях под Воронежем. Парню шел двадцать второй год...

Петр Васильевич оказался на Западном фронте в 906-м полку 243-й стрелковой дивизии. Командовал отделением в звании сержанта. В декабре 1941 года в составе 29-й армии Калининского фронта его дивизия участвовала в Калининской наступательной операции и 16 декабря первой вступила в освобожденный от гитлеровцев Калинин (ныне Тверь). В дальнейшем 243-я дивизия участвовала в кровопролитной Ржевско-Вяземской операции и к концу апреля 1942 года вышла на подступы к городу Ржеву, где закрепилась, перейдя к активной обороне.

Наступательные операции по ликвидации Ржевско-Вяземского выступа и освобождению Ржева — одна из наиболее драматичных и трагических страниц истории Великой Отечественной. Сколько наших солдат полегло подо Ржевом! Кровавую Ржевскую битву в народе называли «ржевской мясорубкой». В советские времена о ней говорили совсем немного и как-то вскользь. И только недавно, в 2007 году, указом Путина Ржеву было присвоено почетное звание «Города воинской славы» за мужество, стойкость и массовый героизм его защитников. Что мешало принять такое решение намного раньше, когда они еще были живы? Впрочем, лучше поздно, чем никогда, надеюсь, что хоть кто-то из уцелевших героев дождался этого.

Но я остановлюсь только на предпоследней операции этой страшной битвы — второй Ржевско-Сычевской наступательной. Она получила кодовое название «Марс» и проводилась силами Калининского и Западного фронтов под руководством генерала армии Г. К. Жукова. Точнее, на боевых действиях 243-й дивизии в рамках этой операции.

Низкий поклон людям, создавшим и поддерживающим сайт «Память народа»: именно там мне удалось ознакомиться с журналом боевых действий 243-й стрелковой дивизии, отсканированным и выложенным на этом сайте. Скажу честно, читать немного пожелтевшие страницы с написанными чернилами, неровным почерком строками волнительно. Журнал велся ежедневно, сквозь сухой лаконичной текст воочию ощущаешь дыхание истории. Да и просто это очень интересно. Привожу фрагмент журнала боевых действий 243-й СД (стрелковой дивизии) с 30.11.42 по 15.12.42 в сокращении, курсивом, со своими комментариями в скобках. Я набрал этот текст, сохранив его орфографию и пунктуацию (архив ЦАМО, фонд 1525, опись 1, дело 34). Командир дивизии — полковник Куценко А. А.

30.11—4.12.1942 г. 243 СД частями и отдельными подразделениями 9-ю эшелонами по ж.д. транспорту передислоцировалась с района Медынь в р-он Красново (Калининская область).

5.12.42 г. Боевая задача. Подготовка частей и отдельных подразделений к наступательным операциям.

Описание боевых действий. Дивизия дислоцируется в лесу в районе Красново, Петрушино.

6.12.42 г. Дивизия дислоцируется в прежнем р-не. В течение дня проводила занятие по боевой подг-ке, вместо 3-х штатных единиц создано два стрелковых б-на (*батальона*). Потерь и происшествий не имеет. КП (*командный пункт*) дивизии Красново.

8.12.1942 г. Боевая задача. На основании боевого приказа № 020 штаба (*штаба армии*) 20 от 8.12.42 г. дивизия совершает марш из р-она Красново-Петрушино и сосредоточивается ю.з. (*юго-западнее*) Арестово выйти на рубеж отм. (*отметка*) 203,7. Лапоток. Дальнейшая задача — овладеть р-оном (исх) 206,7, Помельницы, отм. 206,4.

Описание боевых действий. Дивизия совершает марш для наступления. Происшествий нет. КП дивизии Бобровка.

9.12.42 г. Боевая задача. На основании боевого приказа штаба дивизии занять исходное положение ю. з. Арестово и наступать в направлении Подосиновка «ост. 174 км». Ближайшая задача — овладеть Подосиновкой.

Описание боевых действий. Дивизия сосредоточилась в р-не ю.з. Арестово. Резерв командира дивизии — лыжбат, разведрота, заград. б-он сосредоточились в ложине южнее Бобровки 400 м.

Потери: ранен нач-к политотдела батальона комиссар Сорокин, 906 СП ранено 2 кр-ца (*красноармейца*), 910 СП — потерь нет, 912 СП — убито 1 чел., ранено 4 чел.

10.12.42 г. Боевая задача прежняя.

Описание боевых действий. Дивизия, приняв оборону в полосе: мост сев. Подосиновки 200 м — кустарник вост. Подосиновки 200 м — ю.з. скаты безымянной высоты с горизонталью 200, сев. Жеребцово 200 м, готовится к выполнению боевого приказа штарма.

Потери: 906 СП — убито 2 кр-ца, 910 СП — ранено 11 кр-цев, убито 2 чел., 912 СП — убито 2 кр-ца, ранено 6 чел. Потери артиллерии — ранен зам.ком. 775 АП (*артиллерийского полка*) майор Черников. Резерв ком.дивизии потерь не имеет.

И вот началось наступление...

11.12.42 г. Боевая задача прежняя. Боевым распоряжением 077 Штарма 20 от 10.12.42 г. Атаку пехоты и артиллерии назначаю на 11 ч 00 м 11.12.42 г.

Описание боевых действий. Дивизия в ночь с 10.12 на 11.12.42 г. вывела части на исходное положение для атаки. С 1— ч 10 м до 11.00 11.12.42 г. все системы боевых порядков артиллерии вели обработку переднего края обороны пр-ка (*противника*). И в 11.00 начало прорыва переднего края пр-ка. Действовавшие танки в направлении дивизии, дойдя до переднего края потеряли 8 машин, остальные танки остановились.

906 СП Наступая на правом фланге дивизии (исх) мост сев. Подосиновки, (исх) Подосиновка, встретив сильное огневое сопротивление пр-ка, успеха не имел. К 8.00 **12.12.42 г.** седлает дорогу Подосиновка — Мал. Кропотово. Потери: убито и ранено 254 чел.

910 СП Совместно с пулбатом (*пулеметным батальоном*) прорвал передний край Подосиновки. В 11.20 ворвался в Подосиновку с двумя танками и двумя стрелковыми ротами. Встретив сильный руж. пулем. арт. мин. огонь пр-ка, понес большие потери, успеха в овладении Подосиновкой не имел. Потери: убито и ранено 718 чел.

912 СП Прорвав передний край (исх) Подосиновки, (исх) Жеребцово к 20.00 достиг сев.зап. Жеребцово 300 м. 2-м б-оном (*батальоном*) юго-вост. Подосиновки седлает дорогу Подосиновка — Жеребцово. Встретив сильное огневое сопротивление пр-ка, отбив контратаку, в дальнейшем успеха не имел. Потери: убито и ранено 621 чел.

Резерв ком.дивизии готов к выполнению боевой задачи, согласно боевого распоряжения № 82 12.12.42 г. Потери: убито и ранено 28 чел.

Артиллерия дивизии с приданными полками усиления 302 ГАП (*гаубичный артиллерийский полк*) и 998 ПАП (*противотанковый артиллерийский полк*) произвели 50-минутную арт.подготовку. Потери: убито и ранено 30 чел., пропали без вести 3 чел. Соседи: справа 30 гв. (*гвардейская*) СД, слева 247 СД.

13.12.42 г. Боевая задача Задача прежняя. Дивизия продолжает наступать на Подосиновку с задачей овладеть, в дальнейшем наступать на Лапоток.

906 СП наступает на сев.вост. окр. Подосиновки — успеха не имеет.

910 СП наступает на вост. окр. Подосиновки — успеха не имеет.

912 СП наступает на юго.вост. окр. Подосиновки — успеха не имеет.

Потери: 906 СП **убито 10 чел, ранено 22 ч.**

910 СП **убито 58 чел, ранено 129 ч.**

912 СП **убито 134 чел, ранено 291 ч.**

Артиллерия — **убито и ранено 11 чел.**

КП и НП (*наблюдательный пункт*) дивизии — в Арестово.

В этот день, 13 декабря 1942 года, наступление, похоже, велось уже по инерции. Все, от дивизии, судя по сведениям о потерях, остались одни осколки, наступать и далее было нечем.

В какой из трех дней наступления был тяжело ранен Петр Васильевич, осталось неизвестным. В похоронке указана причина смерти: «слепое осколочное ранение правого бедра». Шипя и потрескивая, раскаленный кусок железа остывал в его развороченной плоти. Кровь хлестала из раны, к тому же на морозе она сворачивается очень плохо. Возможно, ранение оказалось бы несмертельным, получи он своевременную медицинскую помощь. Но раненых было много, очень много. Везло тем, кого ранение настигало ближе к своим позициям: их выносили с поля боя раньше. А вот раненые у переднего края противника зачастую так и оставались там умирать: враг не давал возможности их спасти. И только доносились постепенно затихавшие крики и стоны раненых — представляю, какая была мука слышать это...

Операция «Марс» между тем по-прежнему продолжалась. Завершится она только через неделю, 20 декабря. А журнал боевых действий разбитой в наступлении 243-й дивизии продолжал сухо информировать:

14.12.42 г. Боевая задача Выйти в резерв армии для приведения частей в порядок.

Описание боевых действий. Части дивизии, сдав участок в полосе наступления 379 СД (*далее наступать предстояло уже ей*) к 18.00 14.12.42 г. вышли в резерв 20-й армии для приведения частей в порядок и сосредоточились:

906 СП — сев.зап. Зеваловки

910 СП — сев.зап. Кузнечихи

912 СП — ю.вост. Зеваловки

775 АП на ОП (*оперативной позиции*) р-н Арестово для поддержки 379 СД. КП дивизии — высота с кустарником, что западнее Бабихино.

15.12.42 г. Задача прежняя. Дивизия дислоцируется в районе Зеваловки и Кузнечихи на основании приказа штарма привести части в порядок. Проведено совещание с командирами частей и подразделений по вопросам укомплектования и реорганизации подразделений.

775 АП на ОП в районе Арестово.

КП дивизии — высота с кустарником, что западнее Бабихино 400 м.

Это был последний листок журнала боевых действий дивизии на тот период. Ее фактически не стало. Уже потом, в тылу 243-я стрелковая дивизия реорганизовывалась и доукомплектовывалась личным составом. Как о боевом соединении сведения о ней в новом журнале боевых действий появляются только через два месяца. Сколько сослуживцев командира отделения сержанта Муратова осталось к тому времени в строю, неизвестно, скорее всего, почти никого.

Догадываюсь, что наступление на укрепленную, насыщенную, глубоко эшелонированную оборону врага изначально представлялось бойцам 243-й дивизии обреченным на неудачу, что и подтвердилось невыполнением поставленных боевых задач и численностью потерь. Они прекрасно понимали, ЧТО им предстоит морозным утром 11 декабря 1942 года. Но солдаты обязаны были выполнять приказ, а потому, несмотря ни на что, шли, увязая в снегу, вперед на врага.

Однако бойцы, командиры полков и дивизий, армий и фронтов не знали и не могли знать, что немцы были специально предупреждены о том наступлении подо Ржевом в рамках радиоигры «Монастырь» и ожидали его. Ничего не знал об этом и Жуков, в то время еще генерал армии. «Марс» и «Уран» (контрнаступление под Сталинградом) проводились в рамках единого замысла, поэтому основная стратегическая задача операции «Марс» состояла в отвлечении сил противника для обеспечения успеха операции «Уран», о проведении которой враг даже не подозревал. Жестоко? Наверное, да, но это война... Ржевская битва перемолола все резервы немецкой группы армий «Центр», и спасти окруженную Красной армией в Сталинграде армию Паулюса было

уже практически нечем. Поэтому вторую Ржевско-Сычевскую наступательную операцию нельзя считать провалом, а смерть Петра Васильевича напрасной. Более того, его даже можно назвать соучастником Сталинградской битвы, переломившей ход всей Второй мировой войны.

Красная Армия победила под Сталинградом и стремительно продвинулась вперед на юге, а в 1943 году перешла в победное наступление и на центральном направлении, в том числе под Подосиновкой. На современных картах нет ни Подосиновки, ни Арестова, ни Жеребцова — могу только представить, что осталось от тех деревень после наступления. 3 марта 1943 года вновь стал «нашим наконец» многострадальный Ржев, из довоенных двадцати тысяч населения города уцелело всего 150 человек...

А переформированную 243-ю стрелковую дивизию в конце февраля 1943 года перебросили на Юго-Западный фронт под Луганск с тем же командиром — полковником Куценко. Новый журнал боевых действий дивизии все так же беспристрастно фиксировал продолжение ее боевого пути. Победного, на запад!

Но уже без Петра Васильевича. Последняя неделя жизни сержанта Муратова прошла в агонии: потеря крови оказалась критической. Сознание все чаще покидало его, и 20 декабря 1942 года моего дедушки не стало. Помимо даты и причины, в похоронке указано место смерти: эвакогоспиталь № 1763 города Волоколамска Московской области. И место погребения — братская могила № 9. Осиротевший Юрик на всю жизнь запомнил, как, получив похоронку, нечеловеческим голосом завывала его ставшая вдовой мать Александра Алексеевна...

* * *

«И было у отца три сына». Но только один из них, средний, вернулся с войны. В 1946 году, к великой радости Василия Федотовича, навестил родные места Андрей Васильевич Муратов — в военной форме, с табельным пистолетом в кобуре, солидный, бравый, красивый. Его грудь украшали два ордена Красной Звезды и четыре медали: «За боевые заслуги», «За оборону советского Заполярья», «За взятие Кёнигсберга» и, разумеется, «За победу над Германией». К тому времени он стал гвардии майором, оставшись служить в армии кадровым офицером. Вся деревня приходила поприветствовать героя, многие, обнимая его, плакали: более половины мужиков-кормильцев Нового Куршина не вернулись с фронта. Но гостил Андрей Васильевич недолго. Забрав с собой будущую супругу, красавицу односельчанку Анечку, он отбыл к месту службы в Белоруссию, где до войны много лет прослужил другой мой дед — Петр Михайлович.

О погибших старшем и младшем братьях Муратовых еще долго напоминали бала-лайка Петра и гитара Аркадия. Онемевшие без хозяев инструменты много лет пылились в чулане, но больше на них никто не играл.

Я часто думаю о своих дедах, подолгу вглядываюсь в их фотографии, «примеряю» на себя их судьбы. Но как бы ни старался, представить себя нынешнего на их месте никак не получается. Они, в отличие от меня, не узнали главного — как завершилась война. С возрастом все глубже осознаешь весь трагизм и величие тех времен, ведь я уже почти на 20 лет старше Петра Михайловича, а Петр Васильевич и вовсе младше моих детей. Двум Петрам — Михайловичу и Васильевичу — не довелось услышать от своих внуков такое теплое обращение: «деда Петя». Но они отдали свои жизни за то, чтоб это услышал я...

В 2017 году мы с отцом и моим двоюродным братом екатеринбуржцем Андреем Геннадьевичем Муратовым впервые побывали на братской могиле в Волоколамске, что сразу за автобусной остановкой «Совхоз». Аккуратный ухоженный обелиск с неболь-

шим памятником за оградкой под сенью высоких деревьев, некоторые из них наверняка стояли в конце 1942 года, когда опускали в могилу умерших в госпитале солдат. На обелиске выбито имя деда: «Муратов П. В.». Мы поклонились его памяти, сфотографировались, возложили красные гвоздички, повязали георгиевскую ленточку, прибрались, вымыли обелиск. После чего набрали землицы с братской могилы и поехали на Вятку — бросить по древней русской традиции по горсточке на могилы Василия Федотовича и Александры Алексеевны. Андрей повез священную землицу на могилу отца — Геннадия Петровича, моего дяди.

В прошлом году мы с сыном Ярославом по пути в далекую Словению вновь навестили могилу Петра Васильевича. В Марибор приехали в символическую дату — 22 июня. Сразу нашли бывший шталаг XVIII-D (306) на улице Эйншпелерьевой на окраине города. Возложили красные розы у памятного стенда рядом с воротами в здание, где содержались советские военнопленные и где скончался Петр Михайлович. Традиционных красных гвоздик в ближайшем цветочном магазине, к сожалению, не оказалось. Потом пешком прошли путь, по которому лагерная телега почти 80 лет назад доставила тело Петра Михайловича на кладбище «Побрежье». В цветочных рядах у входа в него нашлись-таки красные гвоздики. Мемориал погибшим советским военнопленным отыскали довольно быстро. С утра хмурилось, погромыхивало, вершины окружающих гор скрывали мохнатые низкие тучи. Но «небесная канцелярия» будто бы терпеливо ждала, пока мы почтим память деда, разразившись мощной грозой чуть позже, — ливень хлынул стеной. Мы с сыном сочли это знаковым.

Часто слышу выражение «братский народ» и не реже споры, какие народы такими считать. Ведь далеко не всегда совместные исторические судьбы, общая религия или этническое родство делают народы братскими. Мой критерий оценки «братскости» прост и понятен — отношение к исторической памяти. Если чтите свято память советского воина-освободителя — братский народ, если нет — извините... Ныне некоторые неблагодарные народы Европы страдают исторической амнезией, надеюсь, в перспективе излечимой.

Но про словенцев так не скажешь, вот они — братский народ, несмотря на то, что их страна состоит в НАТО. Мемориал содержится в образцовом состоянии. В Словении вообще с большим уважением относятся к памяти наших воинов, освобождавших ее территорию. Памятники погибшим советским солдатам бережно сохраняются местными жителями по всей стране. Меня очень тронуло прошлогоднее сообщение в СМИ о визите словенской делегации в Москву с целью переноса частички Вечного огня у Кремлевской стены в столицу Любляну для зажжения там своего Вечного огня. Значит, помнят, значит, им это нужно.

В 2006 году по инициативе нашего посольства на братской могиле в Мариборе установили большой надгробный мраморный православный крест. Каждый год 9 мая там проходят торжественные мероприятия, посвященные памяти наших погибших военнопленных. Участвуют представители мэрии города, местных организаций, Музея народно-освободительного движения. А с недавних пор русская община Марибора проводит марши «Бессмертного полка», в которых принимают участие все больше словенцев.

Мы с сыном тоже набрали землицы с братской могилы в Мариборе и на обратном пути задержались в Москве. Вместе с моим двоюродным братом подполковником в отставке Игорем Борисовичем, тоже внуком Петра Михайловича, бросили по горсточке на могилы Калиничевых: Бориса Петровича, внука Олега и правнука Андрея.

Волоколамск и Марибор. Две братские могилы. Два солдата. Два Петра. 9 мая они вновь пройдут с нами маршем «Бессмертного полка». Светлая им память! И царствие небесное...